

**ТУЛЬЧИНСКИЙ
ГРИГОРИЙ
ЛЬВОВИЧ**

Доктор философских наук,
профессор, НИУ «Высшая
школа экономики»-Санкт-
Петербург.

Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: gtul@mail.ru

УДК 141

**М. М. БАХТИН: ПОСТУПОК,
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И СУБЪЕКТНОСТЬ
(К двойному бахтинскому юбилею)**

Аннотация. Работа содержит рассмотрение актуального содержания философии поступка, представленной М. М. Бахтиным. Речь идет о концепции, которая является ключевой для понимания богатого концептуального наследия мыслителя. Ряд бахтинских идей (фундаментальность ответственности по отношению к свободе и сознанию, самосознание как результат «оплотняющего» диалогического взаимодействия и др.) в настоящее время подтверждается результатами исследований в возрастной психологии, нейрофизиологии мозга, социальной семиотики. Особую актуальность эти идеи обретают в контексте интенсивной трансформации социально-культурных практик в цифровых форматах.

Ключевые слова: Михаил Бахтин, ответственность, поступок, свобода воли, самосознание, субъектность.

Grigorii L. Tulchinsky

**National Research University "Higher School of
Economics" - St. Petersburg**

E-mail: gtul@mail.ru

**M. M. BAKHTIN: ACT, RESPONSIBILITY
AND SUBJECTIVITY**

(To the double Bakhtin anniversary)

Abstract. The material presents a description of the project to create the University of human being. The project is an institutional initiative. A university or Institute of Humanity is a scientific and educational institution engaged in project-oriented interdisciplinary scientific research and development.

The project provides justification for the need to create such an Institute of Humanity. The latter is due to the ever-increasing trends of human abandonment and replacement with smart technology. This project is the embodiment of the so-called anthropological alternative. The project describes the main directions of the Institute's activities and the specifics of its organizational form.

Keywords: human institution, anthropological alternative, anthroposphere, anthropological platform, humanitarian technologies, humanitarian expertise, testing ground-laboratory.

DOI: 10.47850/2410-0935-2025-20-158-176

© Г. Л. Тульчинский 2025

Предварительные соображения: философия поступка М. М. Бахтина

2025 год стал годом двойного юбилея М. М. Бахтина: 130-летия его рождения и 50-летия смерти мыслителя. Самое время для осмысления роли, значения бахтинских идей, их актуальности. Сам М. М. Бахтин неоднократно идентифицировал себя как философа, в силу ряда обстоятельств биографии вынужденный заниматься филологией и историей литературы. Также неоднократно уже отмечалась специфика рецепции идей М. М. Бахтина, обратная становлению и развитию его творчества [Осовский, Дубровская 2024; Тульчинский 2011]. После публикации книги о Рабле с легкой руки авторитетной у гуманитариев Тартусско-Московской семиотической школы, перевода на французский, организованного Ю. Кристевой и активного продвижения ею и другими французскими семиотиками бахтинских идей, М. Бахтин бы воспринят как культуролог-структуралист. Публикация работ по поэтике Ф. М. Достоевского надолго сделала ключевой в гуманитарной среде бахтинскую идею диалогичности смыслообразования, а сам он стал восприниматься чуть ли не как коммуникативист. И только публикация в 1986 году его ранних материалов по философии поступка всё расставила по местам. Открылся масштаб М. М. Бахтина-мыслителя, представшего одним из крупнейших философов прошлого столетия, главной темой которого являлось становление человеческого бытия, активной роли в этом самосознания личности, условий возникновения этого самосознания как участного мышления. Стало ясным, что идеи и концепции диалогичности смыслообразования, карнавала, смеховой культуры – только веточки и листики на стволе философии поступка, уходящем корнями в метафизику нравственности и персонологическую онтологию. Поэтому вполне правомерно рассматривать его тексты как жанр персонажного мышления, когда автор вкладывает свои идеи в реальных или выдуманных персонажей. В этом плане, Достоевский и Рабле у М. Бахтина – персонажи, аналогичные Сократу у Платона, Заратустре у Ф. Ницше, дону Хуану у К. Кастанеды...

Ключевой для понимания логика развёртывания всего многоцветия комплекса бахтинских идей является именно философия поступка. Помимо прочего, содержание его развернутого конспекта этого неопубликованного при жизни трактата удивительно созвучно текстам его старшего брата Н. М. Бахтина. Прежде всего, это пафос критики и неприятия абстрактного рационализма, предпочтение сопричастности непосредственной жизни (Н. Бахтин), участного мышления (М. Бахтин). Оба исходили из установки, что человеку пристало «<...> смотреть на себя как на крутой, трудный путь к другому, подлинному себе, <...> утверждать себя в сущем, а не вырывать из него» [Бахтин Н. 1995: 75]. Оба подчеркивали живую, творящую силу слова, поэзии, ритмики.

Н. М. Бахтин в признании приоритетности непосредственного бытия, необходимости «целостного идейно-обусловленного действия» удивительно созвучен идее М. М. Бахтина об «участном мышлении», на основе которой тот в критике кантианской абстрактной метафизики нравственности мысли формулирует представление об отсутствии у человека алиби в бытии, о человеческом бытии как поступке, свободном, а значит – ответственном. Поразителен факт временного совпадения: процитированные эссе и диалоги Н. М. Бахтина

опубликованы в 1925-1927 годах – времени, которым датируется и «К философии поступка» М. М. Бахтина! Оба с 30-х годов и до конца жизни были вынуждены заниматься классической филологией – Николай в Бирмингеме, а Михаил в Витебске, Невеле, Петрограде и Саранске [Тульчинский 2000].

Братья были погодки, были очень близки, вместе учились в гимназии и университете, вместе принимали участие в движении Третьего (славянского) Возрождения. В силу ряда обстоятельств их жизненные пути разошлись, что выразилось и мировоззренческом контрапункте. Дело не только в том, что старший брат в Соединенном Королевстве стал членом компартии, а младший – глубоко религиозным человеком в атеистическом советском окружении. Если Н. М. Бахтин реализует нравственные установки на практике в своем непосредственном жизненном опыте участия в Мировой и Гражданской войнах, пятилетней службы в Иностранном легионе, расставшись с ним не по своей воле после серьезного ранения, то для М. М. Бахтина бытие есть постоянное и непрерывное смыслопорождение, а человеческое существование есть бытие смысловых структур, возникающих в результате взаимооплотнения и сопричастности смыслов. В этом плане поступок для него – интегральная фокусировка, сведение личностного и социального, сознания и действия, свободы и ответственности.

Мир поступка: содержание и значение осмысления

Поступок – не любая активность, не просто жизненные реакции (в т. ч. биологические). Он и не любая социальная активность, которая может быть бессознательной, стихийной. Он – проявление деятельности как осознанной социальной активности, реализуемой на основе свободного выбора (ср.: творчество, преступление, девиации, недеяние как сознательный отказ от активности, взятое слово). Другими словами, поступок суть вменяемое действие в обоих русских смыслах вменяемости: как осознанного замысла и ответственности за замысел и его реализацию. С этим связаны основные характеристики поступка: намерение, воля, выбор, осознанность, ответственность, а главное – наличие вменяемого актора (личностной субъектности).

У поступка есть границы квалификации его как такового – по мере их сужения: физические (в пространстве времени, телесные), психические, моральные, правовые границы совпадают с границами личности, её свободы и ответственности. Они подвижны: историчны и относительны в различных культурах, будучи связаны с по-разному трактуемыми возрастом, болезнями, состояниями.

Поступок – сам по себе предмет в высшей степени междисциплинарный. Он не сводим ни к поведению, ни даже к деятельности, поддающимся достаточно точной концептуализации и операционализации в социологии, социальной психологии, этологии. Поступок – феномен, который реализуется как во внутреннем (личностном), так и внешнем (социальном) планах, а главное – их взаимодействии. В первом случае это переживание дискомфорта, потребности, связанных с нею мотивации интенций (намерения, стремления, избегания) и потенций (способности, обученность, «вооруженность» средствами) личности [Обуховский 2003]. Это и возможности соотношения интенций и потенций, принятия соответствующего самостоятельного решения, и воля

[Ильин 2011] по реализации этого решения, и уклонение от такого решения и его осуществления. Действие этого внутреннего мотивационного механизма поступка дополняется самим действием, используемыми средствами и результатом [Wright 2004: 35–159]. Причем, как результат, так и используемые средства, и само действие, да и его мотивация оцениваются социумом, самой личностью, становясь также мотивационным фактором. Тем самым поступок предстает системой, реализующей прямую и обратную связь личности с социумом [Кудрявцев 1986; Тульчинский 2020].

В этом плане философский анализ поступка обретает чрезвычайно актуальное значение. Само собой, и прежде всего, это фокусировка проблем свободы и воли, рациональности и ответственности, личности и общества, сознания и самосознания (субъектности) применительно к современным нетривиальным цивилизационным условиям – таким как вызовы цифровизации и пост-, транс-гуманизма. Осмысление поступка открывает широкие горизонты междисциплинарности, роли и значения гуманитарного знания. Нельзя не отметить и явный тренд философии последних двух столетий к персонологической тематике. Философия поступка, помимо прочего выступает общей платформой или как минимум, мостом между англоязычной и континентальной философией. И наконец, осмысление поступка в русскоязычном философском дискурсе выступает редким случаем нетривиальности русскоязычной терминологии и связанных с ними концептов. Так, содержание термина «поступок», в котором сопрягаются мотивация, действие и их оценка, не сводимо к act, action, deed, «вменяемость» не сводится к responsibility, а позволяет рассматривать ответственность в сопряжении с отрефлексированной мотивацией.

Даже из такого эскизного наброска содержания поступка очевидно, что в сведениях представлений о поступке сходятся психологические, социологические, юридические и многие другие аспекты человеческого бытия. А главная проблема в осмыслении поступка – совмещение внутреннего (мотивационного) плана, воли и собственно внешнего действия, их оценки и самооценки.

Таким образом, в осмыслении поступка можно выделить три основные проблемы. Во-первых, это ментальный «внутренний» план поступка, составляющие его факторы: сознание и самосознание (самость, Я-концепт, «яйность»), воля, свобода воли, свобода и ответственность, их соотношение. Во-вторых, это внешние факторы, социально-культурная среда, нормы морали и права, социальный контроль, оценки, порождаемые ими социально-культурные эмоции: стыд, совесть, гордость, честь, достоинство, смех. И, в-третьих, их сопряжение и взаимопереход «изнутри вовне» и «извне вовнутрь». Получается в духе известного путешествия Бильбо Бэггинса «Туда и Обратно»: от внешних факторов вглубь их рецепции и реакции на них, выработки мотивации, воли, и обратно вовне проявлений поступка, оценочной реакции на него социальной среды. Процесс соотношения, напоминающий не просто систему с прямой и обратной связью, сколько ленту Мёбиуса. Одной из самых недавних и весьма операциональных моделей этой системы является «странная петля» (strangle loop), уподобляющая самосознание ленте Мёбиуса, замыкающей социализацию и индивидуализацию, внутреннее и внешнее бытие личности в ее сознании [Хофштадтер 2022]. Однако в нашем дальнейшем изложении будет использоваться термин субъектность – он позволяет представить не только уникальное своеобразие «странной петли», но и предста-

вить ее носителя как активного действующего ответственного актора. Именно с субъектностью связывается проявление свободы воли., представляющий главное – вменяемого субъекта, обладающего рациональной мотивацией, который берет на себя или которому приписывается ответственность за действие, его средства и последствия, а также за саму мотивацию.

Ответственность и свобода воли

Бахтинская идея «участного мышления» и первичности ответственности по отношению к свободе подтверждаются в современных исследованиях самосознания и свободы воли.

Свобода воли – традиционно наиболее острая для философии проблема. В Античности у Платона она выступала как выбор стремлений («коней») к благу или злу, у Аристотеля – как выбор цели («истинного стремления»), в индуизме, буддизме как различение кармы (предопределения прошлым) и пуруша-кары (своих действий в этой жизни). В христианстве свобода воли – главный вопрос теодицеи. В XIII-XVIII столетиях свобода воли рассматривалась в теологическом контексте Божественного предопределения – как и зачем всесильный и всемогущий Творец допускает свободу выбора, а значит – возможное непослушание? И ответ становился вполне назидательным – для осознания греха и возвращения на путь праведный. Недаром во всех религиях особое внимание привлекают раскаявшиеся грешники типа возвратившегося блудного сына или Марии Магдалины. Зло оказывается бóльшим добром, знаком отступления от истинного пути, необходимости одуматься и вернуться. Аналогично в даосизме и чань-буддизме: дао-истина есть дао-путь, а зло, страдание свидетельствуют о нарушении гармонии и необходимости возврата к ней.

Начиная с XIX столетия, проблема всё более сводится к соотношению свободы воли и каузальных (причинно-следственных) отношений. Однако в любом случае – если все предопределено (Божественной волей или природной каузальностью), то свободны ли мы? Ответственны ли мы за что либо, прежде всего – за свои поступки? И не случайно разграничение сферы каузальных детерминаций и сферы проявлений свободы воли легло в основу различения естественно-научного знания (*science, die Naturwissenschaften*) и знания гуманитарного (*humanities, die Geisteswissenschaften*).

В конце прошлого столетия многократно повторенные серии нейрофизиологических экспериментов [Libet 1985; Fried, Mukamel, Kreiman 2011; Haggard 2008; Trevena, Miller 2009; Wegner 2002] показали, что между реакцией на некий стимул и осознанной реакцией имеется зазор от нескольких десятых секунды до нескольких секунд. Данные электрохимической активности мозга позволяют предсказывать произвольные действия человека до того, как он сам осознает свое намерение это действие совершить. Зазор между нейробиологической активацией и осознанием мотива открывает возможность внешнего воздействия, возможность неосознаваемой личностью манипуляции ее поведением. Например, электрическая стимуляция премоторной области коры головного мозга вызывает у человека осознанное намерение к совершению определенного действия и даже его осуществление. Из этого следует, что свобода воли суть «поздняя рационализация» действий, которые носили реактивный

характер, происходили под воздействием неосознаваемых личностью факторов и реакций [Мишура 2016; Секацкая 2016].

Тем самым, отрицание свободы воли получает новые аргументы в духе Б. Спинозы: человек, в силу каузальной детерминированности сущего, лишен свободы воли, необходимой для моральной ответственности. Об этом пишет С. Смилянски, замечая, что лучше никому не рассказывать, иначе обществу конец [Smilansky 2000]. Правда, согласно Д. Перебуму, следуя этой парадигме, вполне возможно пересмотреть право и мораль в плане более гуманного отношения к девиациям, ошибкам и промахам, быть к людям более снисходительными и терпимыми [Pereboom 2001]. Знал ли Д. Перебум, что он фактически перефразировал Ф. Ницше, считавшего, что свобода, мораль и право выдуманы, чтобы оценивать и судить?

Результаты экспериментов вызвали бурный спор сторонников имкомпатибилизма (несовместимости каузальности и свободы воли) и компатибилизма. С позиций первого детерминизм (в любом изводе) и индетерминизм (волюнтаризм) принципиально противопоставляются. С позиций второго – они совместимы. Приписывание упомянутым экспериментам доказательной силы против реальности свободы воли строится на усеченном представлении самодостаточности свободы воли как причины самой себя.

Однако свобода заключается не в творении «из ничего», а в способности придать ситуациям, в которых находит себя человек, последовательность, ясность и направление в ее сознательном осуществлении. Свобода самоопределения выражается не в конкретных действиях «на короткой дистанции», а на «длинной дистанции», в процессе выстраивания «образа действия» (*Handlungsart*), некоей перспективы жизни как своей жизни [Хенрих 2018; Тульчинский 2020: 165–169]. Для личности свобода воли – способность самоопределения в самообъяснении происходящего, нередко – задним числом, *post factum*. Что свойственно мотивации – так это не причины, а объяснения поступков, когда при некотором интеллектуальном усилии всегда можно найти более глубокую мотивацию. [Обуховский 2003; Wright 2004: 35-159]. Такие самообъяснения определяют не стимульные реакции конкретных действий, а общую стратегию важного и допустимого поведения в общем нарративе жизненной стратегии.

Это означает, что наша мотивация сплошь и рядом есть поздняя (иногда – оправдывающая) рационализация реакций организма. Другими словами, на коротких интервалах времени действует каузальность, а не свобода воли. Но на длинных интервалах включается самосознание, выстраивающее осмысленную картину мира и ориентиры для последующих действий.

Свобода воли не линейный алгоритм, она встроена в динамику формирования истории собственной жизни и памяти этой истории. И такой жизненный сценарий – суть непрерывно развивающийся, дополняющийся, обогащаемый новыми и новыми событиями нарратив. Простым и хорошо известным тестом на вменяемость, тестом на то, что мы имеем дело с разумным, «сознательным» субъектом, является его способность ответить на вопросы – как его зовут, где он родился, где живет сейчас, кем работает, и т. д., т. е. обладает ли он связной памятью, способен ли он выстроить целостный и связный рассказ о себе и своей жизни. Человек, утративший память – невменяем в том смыс-

ле, что он не отдает себе отчета, кто он такой и как он оказался в настоящей ситуации. В этом плане самосознание суть эквивалент памяти, и – наоборот. В обоих случаях, буквально по-бахтински, речь идет о способности человека писать роман своей жизни, героем которого является он сам, и который он начинает писать примерно с 3-го года жизни, часто возвращаясь к первым его главам, иногда даже переписывая их. Именно в этой целостности длительного сохранения субъектности как авторства активности и локализуется свобода, а в сопричастности своим проектам, включая общий проект (смысла) жизни и проявляется воля.

Нарративная природа субъектности и ответственности/ свободы

Дело не столько в самой свободе воли, сколько в её носителе, в субъектности. Именно наличие развитой субъектности выделяет человека из животного мира. Как показывают долговременные исследования нейрофизиологии мозга [Damasio 2010], можно различать три уровня сознания. Во-первых, это прото-сознание (proto self), фактически, проявление bios живого организма. Этим уровнем сознания обладают все живые организмы. Во-вторых, это базовое сознание (core self), чувственно выраженная телесная выделенность в потоке ощущений, реакций от рецепторики. Этот уровень сознания предполагает развитую систему иннервации. И, наконец, это уровень собственно самосознания, рефлексия, выражающаяся в памяти. Недаром А. Дамасио называет этот уровень «автобиографической самостью» (autobiographical self). И если для proto self достаточно биоса, а для core self – иннервации с обратной связью (применительно к человеческому организму для этого достаточно таламуса), то autobiographical self уже связано с префронтальными зонами лобных долей мозга, отвечающих за освоение и использование речи

В принципе, эти три уровня сознания являются формами гомеостаза, так или иначе свойственного всем природным системам, не только живым. Другими словами, сознание и самосознание являются формами (уровнями) реализации фундаментальной интенциональности как саморегуляции любых целостных систем, их стремления сохранить свою целостность [Dennett 1998: 6; Dennett 1995: 375]. Спиноза был прав, говоря, что сознание в какой-то мере свойственно всему сущему – различие в степени развитости. Самосознание и субъектность по своему происхождению не противостоят природному миру, а коренятся в нем, являются формами его развития, обеспечивающими гомеостаз – адаптацию и саморегуляцию достаточно сложных систем, каковыми до сих пор являются человеческие индивиды. Той или иной формой телесной выделенности в потоке взаимодействия с окружающим миром (proto self) обладают все живые существа, а тем более – животные с развитой нервной системой и головным мозгом с их способностью к активной избирательности поведения (core self). Но только у человека возникает самосознание (autobiographical self), способность к памяти как писанию (и переписыванию) «романа» своей жизни, автором и главным персонажем которой выступает сам индивид. Для представления этого феномена используется много концепций: самосознание, память, Я, самость, субъективность, вменяемость.

Но эти качества формируются. И механизм этого формирования коммуникативен. Речь идет о социализации, об освоении индивидом социально-культурных практик, который Л. С. Выготский называл «вращиванием» программ социально-культурного опыта [Выготский 2005]. И этот процесс (семейного воспитания, образования, профессиональной подготовки, социальной активности и т.д.) сопровождается коммуникацией. При этом особую роль играет коммуникация нарративная – не просто побуждающая, а описывающая и объясняющая происходящее, в том числе – роль в этих процессах самого индивида. Например: «Это не просто чашка упала, а ты ее уронил. Мог уронить, мог не уронить. Уронил. Это ты сделал!». В этих рассказах индивид вырывается из естественных каузальных процессов, причины замыкаются на нем, превращая его в *causa sui*. В этом заключается смысл воспитания, образования, профессиональной подготовки.

К середине второго – к третьему году жизни ребенок осваивает наррацию от первого лица, рассказывая о себе, о тех действиях, которые он совершил или собирается, или даже собирался совершить. В таких рассказах проявляется, формируется, развивается самосознание/память, человек предстает как автор романа собственной жизни. В этой наррации, самосознании как рефлексии над своим опытом, человек не только описывает этот опыт, но и выражает представления о прошлом и будущем, открывая возможности прогнозирования, воображения, фантазии. Главное, однако, состоит в том, что речь идет о субъектности, взятии индивидом на себя ответственности за происходящее, происходившее или то, что может произойти. И этой ответственностью изначально «грузят» другие, а субъектность оказывается вторичной, производной по отношению к этой ответственности. В этом плане глубоко и принципиально прав был М. М. Бахтин в своих размышлениях об отсутствии у человека «алиби в бытии» [Бахтин 1986]. Сознание, разум – не только вторичны по отношению к ответственности, но и являются ее инструментом, мерой осознания своих возможностей влияния на происходящее. И с этим согласится любой родитель, учитель, воспитатель, тренер.

Тогда становится понятным соотношение свободы и ответственности. Обычно ответственность рассматривается как следствие проявления свободы воли, которой наделена субъектность – на этом строятся обыденные, теоретические и нормативные представления творчества, морали и права. Собственно, вторичность свободы от ответственности и подтверждается упоминавшимися нейрофизиологическими исследованиями. Так что, если бы был возможен спор между Н. А. Бердяевым, Ж.-П. Сартром, трактовавшими свободу как «дыру в бытии», а ответственность, как следствие свободы – с одной стороны, и М. М. Бахтиным, утверждавшим вторичность свободы от ответственности, изначального «не-алиби» человека в бытии, а сознания, разума, как меры и глубины ответственности, то, похоже, прав бы был М. М. Бахтин. Свобода – этот добытийный и внебытийный источник бытия, чувствилище трансцендентного [Бердяев 1989], богоподобное качество и предмет богословских споров – не «дыра в бытии», а челнок, ткущий ткань бытия. И челнок этот – результат социализации, [не]лишний раз подтверждая, что человек – существо социальное. И глубоко был прав Ф. Ницше: свобода и мораль придуманы другими, чтобы оценивать и судить нас. Но без этого «гружения» ответственностью самосознание и субъектность невозможны.

Важнейшими условиями формирования самосознания являются пока человеческий головной мозг и коммуникация. И если первый фактор – биологическая данность, заданная геномом, выступает только необходимой предпосылкой, то второй – условием необходимым и достаточным. Связь сознания и коммуникации, мышления и языка (как инструмента наиболее развитой коммуникации) известна. Однако только в последнее время приходит понимание, что дело не просто в языке, а в дискурсивных практиках, то есть использовании языка конкретных ситуациях социального опыта, когда языковые конструкции (речь, текст) используются в каком-то событийном аспекте.

В этой связи особый интерес представляют нарративы – рассказы, истории с сюжетами, в которых фигурируют акторы, их намерения, действия, результаты этих действий, оценки результатов. Похоже, что именно освоение нарративной коммуникации играет ключевую роль как в антропогенезе, так и формировании самосознания личности. Так, конкурентное преимущество сапиенсов по отношению к другим видам homo, обретенное ими примерно 70 тысяч лет назад, похоже, было связано именно с «когнитивной революцией», заключавшейся в освоении нарративной коммуникации [Харари 2019]. Если сигнальная коммуникация (типа «тигр идет!») способна объединять не более полутора сотен индивидов (размеры стаи, рода, племени), то нарративная коммуникация, рассказывание историй (типа «я утром видел тигра у водопада, и он был явно голоден и свиреп») способна объединять уже сотни, тысячи, а как теперь очевидно – и миллионы особей. Потому что мифы, история, религия, политика, мораль, право, наука, образование, экономика, деньги и другие социальные институты, по сути дела – не что иное, как нарративы, которые люди рассказывают друг другу и в которые верят, строя планы и в своих поступках воплощают, создавая новые реалии.

Более того, как уже было сказано выше, нарративная коммуникация оказывается важным ключом к пониманию природы формирования самосознания, которое суть рефлексия, осознание себя как чего-то особого, отдельного, выделенного в жизненном потоке. В процессе социализации, освоения социально-культурных практик, сопровождаемых нарративной коммуникацией, возникает не просто сознание, а самосознание, когда ребенок осваивает не только и не просто речь, но именно нарратив от первого лица в сочетании с активацией себя как актора – в этом суть самости. А если я осознаю себя плюс собственную ответственность за факт бытия своего Я и за проявление этого бытия (деяния или недеяния), то это уже и есть проявление субъектности – ответственного самосознания самости.

В самосознании петля обратной связи резонанса с телом дополняется рефлексивным самоописанием самости (упомянутая «странная петля» Д. Хофштадтера). Как любая содержательная система самоописания, она противоречива, саморазличима и апофатична, что делает ее трансцендентальным субъектом – интерфейсом, обеспечивающим «позицию вненаходимости» [Бахтин 1979] по отношению к конкретным ситуациям. Фактически субъектность, семиотическое по своей природе образование, является операционализацией трансцендентального субъекта, носителем которого является любой индивид, обладающий самосознанием. Сама по себе субъектность физически не дана. Как трансцендентальный субъект она подобна слепому пятну в глазу, которое

будучи само невидимым, обеспечивает возможность зрения, так и субъектность (=трансцендентальный субъект) будучи сама физически не наблюдаемой, обеспечивает возможность познания. Она является пробелом в бытии, будучи незаполненной, незавершенной, готовой к дополнениям и перезагрузкам.

Человеческое бытие и есть нехватка, отсутствие, утрата, стремление к «перемене участи». Главная идентичность самосознающей личности – «человек без свойств», пластичная готовность к развитию, становлению иным. Это обстоятельство делает субъектность самости главным источником пластичности и динамики человеческой цивилизации, обеспечивающий ее прокреативность (избыточный запас вариантов, сценариев поведения), а тем самым и преадаптивность индивида и социума, упреждающий характер реакции на обстоятельства существования и развития [Асмолов, Шехтер, Черноризов 2018], творчество, возможности пластичности поведения, расширения горизонта прошлого и будущего – всего того, что сейчас отличает человеческую цивилизацию.

В любом случае, субъектность, самосознание самости – результат социализации и освоения нарративной коммуникации. Да, свобода – эпифеномен культуры, «гружения» ответственностью в процессе ее освоения. Но это не отменяет факта возникновения «странной петли» самосознания и роли субъектности в поступках. Она проявляется и выражается не только и не столько в простых реакциях и рутинном поведении, сколько в поступках – деятельности не по предзаданному алгоритму.

И за всем этим стоит наррация, на глазах приобретающая междисциплинарное и фундаментальное значение [Tulchinskii 2023]. Художественная литература неспроста стала столь благодатным и благодарным материалом для бахтинского анализа природы самосознания!

Субъектность и ответственность – вызовы цифры

Речь идет о цифровизации – разработке и использование технологий, основанных на идеях дискретности, алгоритмичности, вычислимости, программируемости [Целищев 2023], о современных социально-культурных практиках в цифровых форматах, которые радикально меняют современный образ жизни во всех его проявлениях: экономике и бизнесе, науке и образовании, политике и государственном управлении, искусстве и культурных индустриях, в потреблении и личной жизни.

Цифровизация парадоксальным образом вышелушивает субъектность, показывая ее роль и значение, выводя ее на фронт перспектив развития, если не существования цивилизации. Речь идет не об отдельных практиках использования орудий, инструментов как органопроекции, продолжении и усилении своих органов, и не о компьютерной органопроекции мозга, а о новой целостной среде обитания – практически полностью искусственной: от производства продуктов питания до зданий и сооружений, созданных на 3D-принтерах, беспилотных транспортных средств, комплексов типа smart city, Интернета вещей, превращающегося в «Интернет всего» (Internet of everything).

Порождаемые цифровизацией вызовы многомерны и многовекторны. Так, масштабы доступности и интенсивность публичной коммуникации

достигли ситуации, когда в публичном пространстве непосредственно транслируются не только мнения, этикетирование, но и эмоциональные переживания, что порождает колоссальные возможности мошенничества, ситуацию постправды, массового хейта, буллинга, риски для репутации, собственности, здоровья, жизни. Практики современной коммуникации выводят на первый план проблему ответственности в ее комплексном выражении – как интеграцию социального контроля в правовом и моральном формате с личностным выбором в истоке, процессе и результате коммуникации. Не исключено, что речь может идти о возрождении феномена парресии как ответственного публичного слова, реализующего публичную речь как поступок (вменяемое действие), в новом формате и масштабе – ответственности не только за транслируемый контент, не только за последствия его трансляции, но и, прежде всего, – за сам факт взятия слова. Ответственность за взятое слово – вызов морали коммуникации, если не новое ее качество или просто новая мораль, буквальная реализации ответственного самосознания, субъектности – как бахтинского «участного мышления».

Возникает серьезный **политэкономический вызов**. Современное общество массового потребления с цифровизацией практически всех проявлений социальной жизни создает исключительно комфортную среду – так комфортно человечество еще никогда не жило. Более того, оставляемые нами на различных платформах, в различных приложениях так называемые Большие данные (Big Data) создают возможности упреждения наших желаний. Эти данные собираются зачастую незаметно для пользователя с помощью цифровых устройств и IoT, будь то на городских улицах, в магазинах, в банках, госучреждениях, на транспорте, в наших собственных квартирах. Полученные персональные данные используются для обучения нейронных сетей, а также для аналитики, манипулирования и контроля. На этом строится теория и технология «подталкивания» (nudge), регулируемого поведения в коммерческом и политическом маркетинге [Талер, Санстейн 2016].

Но тогда возникает вопрос: кому и зачем нужен субъект в 1-м лице, когда все проблемы решаемы за него и без него в 3-м лице? Более того, человек, обстоятельства его жизни, личность, субъектность (самость и аутентичность) сами по себе стали не только предметом контроля. Сам факт нашего существования стал новым источником рентного дохода. Сначала к традиционным видам ренты – природной, трудовой, от монополии – добавилась сетевая рента [Boltanski, Chiapello 2007], а теперь – экзистенциальная, когда источником дохода становится сам факт существования человека. Субъектность и идентичность стали новым источником рентного дохода благодаря прекарному характеру труда, обнулившему результаты борьбы профсоюзов, а главное – благодаря оставляемым и интегрируемым на цифровых платформах данных, следам проявления обстоятельств жизни на работе, в досуге и потреблении, порождающих Большие Данные, которые потом монетизируются и капитализируются. Современный капитализм (система хозяйствования вне- и бесчеловечная, нацеленная на возрастание капитала) в цифровом изводе получает свое исторически наиболее чистое и полное выражение.

Возникает перспектива технологически закрепляемого **социального неравенства**, расслоения социума по степени и качеству осмысления бытия.

С некоторой степенью возможности выбора позиции. Во-первых, вменяемое самосознание самости, субъектность – позиция не всегда комфортная. Во-вторых, выбор комфорта цифровых платформ – это выбор человека-опции этих платформ. И, в-третьих, – нахождение в неупорядоченном потоке, «новая животность» реагирования на внешние стимулы.

В **этико-правовом** плане возникает вопрос о субъекте и содержании ответственности разработчиков, заказчиков алгоритмов или уже самих алгоритмов.

Но за всем этим стоит **антропологический вызов**. Большую часть своей истории человек осмыслял окружающий мир, делал его понятным посредством «очеловечивания», уподобления его себе. На этом построены магические практики и ритуалы, молитвы, как взаимодействия, диалоги с антрополоподобными существами и силами.

Качественная новизна современности заключается в том, что человек имеет дело не с отдельными практиками, а с их взаимодействием, новой целостной средой обитания – практически полностью искусственной. Техносфера на глазах предстает буквально как экосистема. В наши дни не столько новые технологии становятся частью нас (в протезировании, киборгизации), сколько мы – частью этих технологий. И в этой цифровой цивилизации, «метавселенных», личность становится не столько пользователем, сколько частью, опцией глобальных платформ и алгоритмов.

Среда обитания, экосистема предстала не просто как техносфера, а целостная система взаимодействующих программ. Уже не столько новые технологии становятся частью нас, сколько мы – частью этих технологий. «Как печатная машинка, граммофонная пластинка и киноплёнка разъединили и механизировали элементы смыслообразующей системы человека – <...> цифровые технологии вновь начали перестраивать платы нашей субъектности» [Галлоуэй, Такер, Маккензи 2022: 13]

Идея сделанности, реализуемости, вычислимости – магистральный путь цивилизации: «я знаю x постольку, поскольку могу сделать x». Познать значит раскрыть «скрытый схематизм» явления (Ф. Бэкон). Искусство как прием (В. Шкловский). Понимание исторического артефакта, явления как реконструкция их возникновения и использования (Р. Коллингвуд). Наконец, конструктивизм в основаниях математики, деконструкция как модель понимания и образование как обретение «компетенций» (know how). Вытеснение естественного отбора инжинирингом (продуманным дизайном). Биоинженерия, включая генную инженерию, выведение новых видов. Бионика (киборгизация): совмещение органических и неорганических систем и подсистем, включая интерфейс мозг-компьютер, «интермозгонет». Перспектива создания неорганической жизни: перехода «с белка на песок» (в смысле перехода с органики на кремний). Все это существенно иные онтология и эпистемология – трактовка познания уже не как интерпретации и фактчекинга, а воплощения алгоритма, порождающего предмет.

Мир, культура как воплощение цифрового кода – что это? Реализация идей Платона и Пифагора? Самообучающиеся (правда, по пока еще разработанным разработчиками алгоритмам на материале кейсов уже реализованного опыта) нейросети уже не только консультируют и ведут образовательные

проекты, выигрывают у чемпионов мира в покер, где есть возможность блефа и манипулирования противником, они способны устанавливать коммуникацию между собой на специально придуманном ими языке, не понятном разработчикам, из-за чего последним приходится останавливать такие проекты. Продолжение же этого тренда чревато тем, что человеку придется вырабатывать институциональные формы сосуществования с наделенными субъектностью «не-людьми». Или это полное торжество рационализма, доведенное до его крайности, т. е. противоположности?

Новая сделанность вытесняет не только природный мир, но и его восприятие, сам опыт переживания «от первого лица». Это уже проблема не роботов, андроидов и прочих «двойников». И даже не машиноподобности человека. Его самость и аутентичность становятся побочным продуктом некоей «мега-машины» – искусственно созданной самодостаточной экосистемы. Это уже проблема не «мозаичного сознания», о котором много писали во второй половине прошлого века в связи со становлением массового информационного общества. Масштабы и скорости современной коммуникации таковы, что от человека требуется не рефлексивное рассуждение, а «новая животность» – оперативная реакция, причем по не им выработанному алгоритму.

Культура всегда рассматривалась как система порождения, отбора, хранения, воспроизводства и трансляции социального опыта. Но в условиях цифровизации культура, так или иначе, становится буквально цифровой машиной программирования индивидуального опыта. Однако, если социализированный индивидуальный субъект состоит из тиражированных элементов, то где оказывается «он сам», его субъектность? Изнутри самой системы ответ затруднен. Напрашивается ответ, что «источник индивидуальной уникальности оказывается вне самого субъекта» [Гвоздиков 2019: 1]. Если человек, его субъектность – часть, опция «машины культуры», то это уже ситуация не столько «Матрицы», когда человек и его субъектность – сырье для порождения реальности, сколько «Соляриса», где человек с его внутренним миром – порождение планетарной целостности. Это не только перспектива секьюритизации и контроля всего и вся, буквально реализующего классические и новейшие антиутопии, когда тоталитаризм XX века предстает только «пробой пера».

Неизбыточность субъектности

Человек – существо, вынесшее механизм адаптации за рамки своей биологической природы. Если животный мир адаптируется за счет мутаций и естественного отбора, то человек, не мутируя как вид, заставляет мутировать среду, создавая культуру – систему порождения, сохранения, отбора, трансляции и воспроизводства социального опыта, которую Ю. М. Лотман определял, как систему негенетического наследования информации о поведении [Лотман 2010]. Но эта система, воспроизводимая с помощью социализации, «вращивающей» программы социального опыта носителям этой культуры, для своего развития нуждается в индивидуализации – уникальном, неповторимом своеобразии этого освоения. В культурных практиках закрепляются смысловые картины мира, но динамика смыслообразования предполагает разнообразие точек зрения. Поэтому смыслообразование начинается даже не в «диалоге культур». Всякая культура самодостаточна, нормативна (тем более – в цифровом изводе),

и ни в каком «диалоге» не нуждается. В диалоге нуждаются люди – существа не самодостаточные, открытые к обмену (веществ, товаров, знаний). Человек конечен и осознает свою конечность. Он может уставать, болеть. Он испытывает эмоции, которые могут быть обусловлены состоянием организма, ситуациями, в которые человек попадает. Человек может быть доволен. Но чаще он не доволен, может хотеть чего-то нового. Именно эмоционально окрашенные переживания являются источником смыслообразования. Этим, своей эмоциональной настроенностью и рефлексией он отличается от машины, которая может формулировать задачи по достижению цели, даже ставить цели – на какой-то ценностной шкале. Но выход за пределы шкалы означает сбой в программе. А человек сбоит постоянно – хотя бы в воображении, хотя бы из рессентимента.

Это делает человеческие слабости преимуществом. Важно не просто сознание (оно моделируемо в 3 лице), а способность мыслить, осознавать себя и Другого, т. е. самость субъектности в первом лице, выступающая универсальным интерфейсом прагмасемантики смыслообразования, позволяющим переходить из контекста одной системы практики в другие, менять соответствующие интерфейсы, реализуя упомянутую прокреативную преадаптивность. Фактически речь идет об аналоге теоремы Гёделя – о невозможности полной формализации человеческого знания, в то числе – транслируемого в коммуникации. Поэтому решение задачи видится в учете этого неформализуемого «остатка», а скорее – ядра коммуникации, т. е. учете личностного фактора.

Заключение

Показательно, что рассмотрение порождаемых трендом цифровизации вызовов, приводит к проблеме вменяемой субъектности. В этико-правовом вызове это выражается в соотношении технологии контроля и личностной парресии. В политэкономическом вызове – в экзистенциальной ренте. В метафизическом – в полюсах человека-опции и «не-человеческой» субъектности. Наиболее полно это выражается в антропологическом вызове – перспективах расслоения социума в зависимости от степени принятия и реализации ответственной субъектности.

Таким образом, современная проблема философии поступка и его сердцевины - субъектности вменяемого самосознания, сводит в один фокус (точку сборки) тематику философии (трансцендентальный субъект, свобода воли, аналитическая и континентальная традиции); антропологии (пост- и трансгуманизм); психологии (психофизическая проблема, феномен воли), нейрофизиологии мозга, когнитивистики; AI; экономики; социологии, морали, этики и права; богословия; политической теории и практики. Она проходит, прошивает все эти отрасли знания. И, как уже отмечалось, именно субъектность до сих пор – основной источник прокреативной преадаптации, обеспечивавшей и обеспечивающей развитие человеческой цивилизации.

Однако все более отчетливо проявляется вопрос – если возникновение и развитие *strangle loop* субъектности носит в целом характер рефлексивного семиозиса и не зависит от субстрата, то насколько обязателен телесный опыт *proto self* и *core self* на белковой основе для возникновения и развития *autobiographical self*? Недавняя скандальная история в Open AI с экспресс-увольнением и возвращением генерального директора С. Альтмана показывает,

что среди разработчиков высоких технологий зреет не то алармизм по отношению к продуктам своих разработок, не то понимание масштабов возможной ответственности, и проблема «суперсогласования» искусственного интеллекта и естественного.

В условиях невиданного масштаба социально-культурного и (пост)антропологического инжиниринга возникает все более очевидный запрос на комплексную техно-гуманитарную экспертизу не только последствий реализации цифровых технологий, но и целей разработок, самих разработок, хода их внедрения и реализации. Такая экспертиза может быть только комплексной, междисциплинарной, но направленной на обеспечение, сохранение и развитие субъектности – актора вменяемого поступка как ядра не только гуманитарности, но человеческой цивилизации. И при выработке критериев такой экспертизы наследие М. М. Бахтина сохраняет нетривиальное значение и актуальность.

Литература

- Асмолов, Шехтер, Черноризов 2018 – *Асмолов А., Шехтер Е., Черноризов А.* Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции. М.: Акрополь, 2018. 212 с.
- Бахтин 1986 – *Бахтин М. М.* К философии поступка // Философия и социология техники. Ежегодник. 1984-1985. М.: Наука, 1986. С. 80–160.
- Бахтин 1979 – *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
- Бахтин Н. 1995 – *Бахтин Н. М.* Из жизни идей: Статьи. Эссе. Диалоги. М.: Лабиринт, 1995. 191 с.
- Бердяев 1989 – *Бердяев Н. А.* Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 608 с.
- Выготский 2005 – *Выготский Л. С.* Психология развития человека. М.: Смысл: Эксмо, 2005. 1136 с.
- Гвоздилов 2019 – *Гвоздилов Д.* Схоластика для инстаграма: к цифровой антропологии современности // Логос. 2019. Т. 29. № 6. С. 1–17.
- Гэллоуэй, Такер, Маккензи 2022 – *Гэллоуэй А. Р., Такер Ю., Маккензи У.* Экскоммуникация. М.: Ад Маргинем Пресс, 2022. 256 с.
- Ильин 2011 – *Ильин Е. П.* Психология воли. СПб: Питер, 2011. 368 с.
- Кудрявцев 1986 – *Кудрявцев В. Н.* Закон, поступок, ответственность. М.: Наука, 1986. 448 с.
- Лотман 2000 – *Лотман Ю. М.* Семиосфера. Культура и взрыв. Среди мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб: Искусство-СПб, 2000. 704 с.
- Мишура 2016 – *Мишура А.* Поле битвы: свобода воли // Логос. 2016. Т. 26. № 5. С. 19–58.
- Обуховский 2003 – *Обуховский К.* Галактика потребностей. Психология влечений человека. СПб: Речь, 2003. 296 с.
- Осовский, Дубровская 2024 – *Осовский О. У., Дубровская С. А.* (ред.) Мыслитель в своем отечестве: страницы истории рецепции личности и идей М. М. Бахтина в XX – начале XXI века. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2024. 240 с.
- Секацкая 2016 – *Секацкая М. А.* Свобода воли и предсказуемость. Философский анализ современных исследований в нейронауке // Вопросы философии. 2016. № 3. С. 163–169.
- Талер, Санстейн 2016 – *Талер Р., Санстейн К.* Nudge: Архитектура выбора. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 240 с.

- Тульчинский 2000 – *Тульчинский Г. Л.* Николай и Михаил Бахтины: консонансы и контрапункты // Вопросы философии. 2000. № 7. С. 62–90.
- Тульчинский 2011 – *Тульчинский Г. Л.* Уроки рецепции бахтинского наследия. // Философские науки. 2011, № 10. С. 129–144.
- Тульчинский 2020 – *Тульчинский Г. Л.* Философия поступка: самоопределение личности в современном обществе. СПб: Алетейя, 2020. 826 с.
- Харари 2021 – *Харари Ю. Н.* Sapiens: краткая история человечества. М.: Синдбад, 2021. 512 с.
- Хенрих 2018 – *Хенрих Д.* Мышление и самобытие. Чтения о субъективности. М.: Весь мир, 2018. 320 с.
- Хофштадтер 2022 – *Хофштадтер Д. Я* – странная петля. М.: АСТ, 2022. 512 с.
- Целищев 2023 – *Целищев В. В.* Алгоритмический ум. М.: Канон+, 2023. 512 с.
- Шурипа 2021 – *Шурипа С.* Действие и смысл в искусстве второй половины XX века. СПб; М. Rugram_Пальмира, 2021. 223 с.
- Boltanski, Chiapello 2007 – *Boltanski L., Chiapello E.* The New Spirit of Capitalism. N.Y, L.: Verso, 2007. 601 p.
- Damasio 2010 – *Damasio A.* Self Comes to Mind: Constructing the Conscious Brain, Pantheon, 2010. 384 p.
- Dennett 1998 – *Dennett D. C.* Brainstorms: Philosophical essays on mind and psychology. Cambridge: MIT Press, 1998. 377 p.
- Dennett 1991 – *Dennett D. C.* Consciousness explained. Boston: Little, Brown and Co., 1991. 511 p.
- Fried, Mukamel, Kreiman 2011 – *Fried I., Mukamel R., Kreiman G.* Internally Generated Pre-activation of Single Neurons in Human Medial Frontal Cortex Predicts Volition // Neuron. 2011. Vol. 69. No. 3. P. 548–562.
- Haggard 2008 – *Haggard P.* Human volition: Towards a neuroscience of will // Nature Reviews Neuroscience. 2008. Vol. 9. No. 12. P. 934–946.
- Libet 1985 – *Libet B.* Unconscious Cerebral Initiative and the Role of Conscious Will in Voluntary Action. Behavioral and Brain Sciences. 1985. Vol. 8. No. 4. P. 529–566.
- Pereboom 2006 – *Pereboom D.* Living Without Free Will. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 231 p.
- Smilansky 2000 – *Smilansky S.* Free Will and Illusion. Oxford: Oxford Univ.Press, 2000. 344 p.
- Trevena, Miller 2009 – *Trevena J., Miller J.* Brain preparation before a voluntary action: Evidence against unconscious movement initiation // Consciousness and Cognition. 2009. Vol. 19, No.1. P. 447–456.
- Tulchinskii 2023 – *Tulchinskii G. L.* Chapter 1: Narration as a Platform for Interdisciplinarity: The Inter- and Cross-Disciplinarity of the Narrative Approach. // Narratives in East Asia and Beyond. Interdisciplinary Perspectives on Using Narratives as a Research Method /Ed. by E. Priupolina and T. D. Eckstein. Lanham-Boulder-New York-London: Lexington books, 2023. P. 15–42.
- Wegner 2002 – *Wegner D.* The Illusion of Conscious Will. Cambridge, MA: MIT Press, 2002. 419 p.
- Wright 2004 – *Wright G. H.* von. Explanation and Understanding. Ithaca (NY, USA): Cornell University Press, 2004. 256 p.

References

- Asmolv, Shekhter, Chernorizov 2018 – Asmolv A., Shekhter E., Chernorizov A. Pre-adaptation to uncertainty: unpredictable routes of evolution. M.: Acropolis, 2018. 212 p.

- Bakhtin 1986 – Bakhtin M. M. Towards a philosophy of action // Philosophy and sociology of technology. Yearbook. 1984-1985. M.: Nauka, 1986, pp. 80-160.
- Bakhtin 1979 – Bakhtin M. M. Aesthetics of verbal creativity. M.: Art, 1979. 424 p.
- Bakhtin N. 1995 – Bakhtin N. M. From the life of ideas: Articles. Essay. Dialogues. M.: Labyrinth, 1995. 191 p.
- Berdyayev 1989 – Berdyayev N. A. Philosophy of Freedom. The Meaning of Creativity. Moscow: Pravda, 1989. 608 p.
- Vygotsky 2005 – Vygotsky L. S. Psychology of Human Development. Moscow: Smysl: Eksmo, 2005. 1136 p.
- Gvozdkov 2019 – Gvozdkov D. Scholasticism for Instagram: Towards a Digital Anthropology of Modernity // Logos. 2019. Vol.29. No.6. Pp.1-17.
- Galloway, Tucker, Mackenzie 2022 – Galloway A.R., Tucker Y., Mackenzie W. Excommunication. Moscow: Ad Marginem Press, 2022. 256 p.
- Ilyin 2011 – Ilyin E. P. Psychology of Will. SPb: Piter, 2011. 368 p.
- Kudryavtsev 1986 – Kudryavtsev V. N. Law, deed, responsibility. Moscow: Nauka, 1986. 448 p.
- Lotman 2000 – Lotman Yu. M. Semiosphere. Culture and explosion. Among thinking worlds. Articles. Research. Notes. SPb: Iskustvo-SPb, 2000. 704 p.
- Mishura 2016 – Mishura A. Battlefield: freedom of will // Logos. 2016. Vol. 26. No. 5. P. 19–58.
- Obukhovskiy 2003 – Obukhovskiy K. Galaxy of needs. Psychology of human drives. SPb: Rech, 2003. 296 p.
- Osovsky, Dubrovskaya 2024 – Osovsky O. U., Dubrovskaya S. A. (eds.) A Thinker in His Own Country: Pages from the History of the Reception of the Personality and Ideas of M.M. Bakhtin in the 20th – Early 21st Century. Saransk: Publishing House of the Mordov. University, 2024. 240 p.
- Sekatskaya 2016 – Sekatskaya M. A. Free Will and Predictability. Philosophical Analysis of Modern Research in Neuroscience // Questions of Philosophy. 2016. No. 3. P. 163–169.
- Thaler, Sunstein 2016 – Thaler R., Sunstein K. Nudge: The Architecture of Choice. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2016. 240 p.
- Tulchinskii 2000 – Tulchinskii G. L. Nikolai and Mikhail Bakhtin: Consonances and Counterpoints // Questions of Philosophy. 2000. No. 7. Pp. 62-90.
- Tulchinskii 2011 – Tulchinskii G. L. Lessons in the Reception of Bakhtin's Heritage // Philosophical Sciences. 2011, No. 10, pp. 129-144.
- Tulchinskii 2020 – Tulchinskii G. L. Philosophy of the Act: Self-Determination of the Individual in Modern Society. SPb: Aletheia, 2020. 826 p.
- Harari 2021 – Harari Yu. N. Sapiens: A Brief History of Humankind. Moscow: Sindbad, 2021. 512 p.
- Henrich 2018 – Henrich D. Thinking and Self-Existence. Readings on Subjectivity. M.: Ves' mir, 2018. 320 p.
- Hofstadter 2022 – Hofstadter D. I am a strange loop. M.: AST, 2022. 512 p.
- Tselishev 2023 – Tselishev V. V. Algorithmic mind. M.: Kanon+, 2023. 512 p.
- Shuripa 2021 – Shuripa S. Action and meaning in the art of the second half of the twentieth century. SPb; M. Rugram_Palmira, 2021. 223 p.
- Boltanski, Chiapello 2007 – Boltanski L., Chiapello E. The New Spirit of Capitalism. N.Y, L.: Verso, 2007. 601 p.
- Damasio 2010 – Damasio A. Self Comes to Mind: Constructing the Conscious Brain, Pantheon, 2010. 384 p.

- Dennett 1998 – Dennett D. C. *Brainstorms: Philosophical essays on mind and psychology*. Cambridge: MIT Press, 1998. 377 p.
- Dennett 1991 – Dennett D. C. *Consciousness explained*. Boston: Little, Brown and Co., 1991. xiii+511 p.
- Fried, Mukamel, Kreiman 2011 – Fried I., Mukamel R., Kreiman G. Internally Generated Pre-activation of Single Neurons in Human Medial Frontal Cortex Predicts Volition // *Neuron*. 2011. Vol. 69. No. 3. P. 548–562.
- Haggard 2008 – Haggard P. Human volition: Towards a neuroscience of will // *Nature Reviews Neuroscience*. 2008. Vol. 9. No. 12. P. 934–946.
- Libet 1985 – Libet B. Unconscious Cerebral Initiative and the Role of Conscious Will in Voluntary Action. *Behavioral and Brain Sciences*. 1985. Vol. 8. No. 4. P. 529–566.
- Pereboom 2006 – Pereboom D. *Living Without Free Will*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 231 p.
- Smilansky 2000 – Smilansky S. *Free Will and Illusion*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2000. 344 p.
- Trevena, Miller 2009 – Trevena J., Miller J. Brain preparation before a voluntary action: Evidence against unconscious movement initiation // *Consciousness and Cognition*. 2009. Vol. 19. No.1. P. 447–456.
- Tulchinskii 2023 – Tulchinskii G. L. Chapter 1: Narration as a Platform for Interdisciplinarity: The Inter- and Cross-Disciplinarity of the Narrative Approach. // *Narratives in East Asia and Beyond. Interdisciplinary Perspectives on Using Narratives as a Research Method* /Ed. by E.Priupolina and T.D.Eckstein. Lanham-Boulder-New York-London: Lexington books, 2023. P. 15–42.
- Wegner 2002 – Wegner D. *The Illusion of Conscious Will*. Cambridge, MA: MIT Press, 2002. 419 p.
- Wright 2004 – Wright G. H. von. *Explanation and Understanding*. Ithaca (NY, USA): Cornell University Press, 2004. 256 p.